

199. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с послом временного правительства Французской республики в СССР

6 марта 1945 г.

Посол Франции Ж. Катру говорит, что он желал видеть народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова еще в воскресенье, 4-го, но народного комиссара, к сожалению, не было в городе, и поэтому он беседовал с одним из его заместителей. Посол выражает надежду, что народному комиссару известно о содержании этой беседы.

Нарком отвечает утвердительно и добавляет, что в тот же день, то есть 4 марта, Советское правительство со своей стороны обратилось к послу Соединенных Штатов в Москве с предложением отложить на один-два дня решение вопроса, для того чтобы договориться с Французским правительством. Однако вчера, 5 марта, американское правительство известило нас, что оно будет рассылать приглашения от имени четырех держав, без Франции.

Посол говорит, что американский и британский послы в Париже информировали Бидо о том, что их правительства согласны с французской формулой, и что возражения выдвигает только Советское правительство.

Нарком заявляет, что Советское правительство не могло согласиться с французской формулой, так как оно не хотело ослаблять решения Крымской конференции. Если бы было достаточно времени для обсуждения вопроса, то Советское правительство, вероятно, смогло бы убедить Французское правительство в правильности своей точки зрения. Советское правительство считает, что решения Крымской конференции приняты в интересах послевоенной безопасности всех миролюбивых стран, и в частности Советского Союза и Франции.

Посол отвечает, что, по его мнению, принятые французского предложения не означало бы ослабления решений, принятых в Думбартон-Оксе и в Крыму. По словам посла, Французское правительство потому не пошло па принятие формулы, выработанной в Ялте, что, по его мнению, участие Франции в рассылке приглашений на конференцию в Сан-Франциско означало бы связывание ее обязательствами, принятыми в Думбартон-Оксе без ее участия. Французское правительство полагало и полагает, что оно должно обсудить решения, принятые в Думбартон-Оксе. Поэтому Французское правительство считало, что план Думбартон-Окса должен быть принят как база для дискуссии, а не как база для статута международной организации.

Нарком отвечает, что принятие предложения Французского правительства означало бы, что решения, принятые в Думбартон-Оксе, перестали быть решениями и от их

содержания ничего не осталось. Эти решения были бы только материалом для дискуссии, а не решениями в полном смысле этого слова.

Посол говорит, что с точки зрения Французского правительства решения, принятые в Думбартон-Оксе, связывали бы известным образом Францию, если бы она участвовала в рассылке приглашений на конференцию в Сан-Франциско. Французское правительство не могло на это пойти, так как оно не обсуждало этих решений.

Нарком говорит, что ему понятна эта точка зрения, но в то же время не следовало зачеркивать то, что было принято на конференции в Думбартон-Оксе.

Посол говорит, что если у Французского правительства и были замечания по плану Думбартон-Окса, то эти замечания не относились к разделу о голосовании. В этом отношении Французское правительство полностью согласно с тем, что было принято в Ялте.

Французское правительство было озабочено другим. Дело в том, что остается невыясненным вопрос о том, как примирить положение о Совете Безопасности с условиями советско-французского договора. Если по советско-французскому договору санкции против Германии в случае агрессии с ее стороны вступают в силу автоматически, то по плану, принятому в Думбартон-Оксе, введение таких санкций в силу зависит от решения Совета Безопасности.

Нарком говорит, что этим вопросом следует заняться и изучить его. В то же время мы не можем пойти на то, чтобы решения, принятые в Думбартон-Оксе, повисли в воздухе и превратились просто в базу для дискуссии.

Посол говорит, что, по мнению Французского правительства, существует фатальное противоречие между положениями плана Думбартон-Окса и статьями советско-французского договора, в которых идет речь о применении санкций против Германии в случае агрессии с ее стороны.

Нарком отвечает, что этот вопрос надо изучить.

Посол говорит, что Французское правительство хотело бы знать, каким образом Советское правительство, оставаясь верным плану, выработанному в Думбартон-Оксе, хотело сохранить эффективность советско-французского договора. Каким образом, находясь между двумя обязательствами, Советское правительство сможет найти выход, не жертвуя ни тем, ни другим.

Нарком отвечает, что он уже говорил послу, что мы стоим за то, чтобы франко-советский договор остался в силе.

Посол заявляет, что он думает, что Советское правительство по-прежнему является сторонником советско-французского пакта, и что он, посол, полностью доверяет духу,

который был проявлен Советским правительством при подписании договора, и духу коллективной безопасности, присущему Советскому правительству. Французы хотели бы примирить принципы пакта с принципами коллективной безопасности, и он, посол, надеется, что Советское и Французское правительства без особых трудностей смогут договориться по этому вопросу.

Нарком отвечает, что он думает так же.

Посол говорит, что ответ народного комиссара его устраивает и он думает, что этот ответ устроит и Французское правительство.

Посол говорит далее, что этот вопрос для Франции имеет большое значение, так как германская проблема будет наиболее важной в деле сохранения всеобщего мира и безопасности. По мнению посла, это является правильным, по меньшей мере на ближайшее будущее. Возможно, что в более отдаленном будущем появятся другие проблемы, которые заслонят собой германскую. Но в ближайшие годы после войны германская проблема будет больше всего беспокоить Французское правительство.

Нарком отвечает, что это совершенно правильно. Между первой мировой войной и второй мировой войной лежит короткий период – в 21 год, и обе эти войны были затеяны Германией. Поэтому вопрос о Германии является, конечно, наиболее важным вопросом нашего времени.

Он спрашивает далее, отказалось ли Французское правительство от участия в рассылке приглашений на конференцию в Сан-Франциско только по одной указанной послом причине, или были еще какие-нибудь причины.

Посол отвечает, что единственное соображение, из которого исходило Французское правительство, следующее: Французское правительство не участвовало в конференции в Думбартон-Оксе, не участвовало в выработке плана, поэтому оно не может быть заранее связано с этим планом, в особенности это относится к главе о Совете Безопасности. Французское правительство не могло взять на себя такого обязательства, которое приняли на себя страны, присутствовавшие на этой конференции.

Нарком напоминает, что посол говорил об автоматизме действия советско-французского договора и о том, что этот вопрос вызывал сомнения Французского правительства в связи с планами, принятыми в Думбартон-Оксе и в Ялте.

Посол говорит, что когда он разговаривал с народным комиссаром по этому вопросу, то народный комиссар сказал, что следует изучить вопрос о том, что нужно сделать для того, чтобы сохранить силу франко-советского договора. Французское правительство в то время не считало, что оно имело достаточные гарантии сохранения автоматизма франко-советского договора.

Нарком спрашивает, можно ли понять посла так: если бы Французскому правительству удалось получить гарантию сохранения автоматизма действия договора с Советским Союзом, то оно участвовало бы в рассылке приглашений на конференцию в Сан-Франциско.

Посол отвечает, что он думает, что это так, хотя не совсем уверен в этом, так как он не полностью информирован о позиции своего правительства.

Нарком говорит, что желанием Советского правительства было прийти к соглашению и к тому, чтобы Франция участвовала в рассылке приглашений на конференцию.

Посол говорит, что он мог бы информировать народного комиссара относительно недавней поездки Бидо в Лондон.

Нарком отвечает, что он был бы весьма благодарен послу за такую информацию.

Посол говорит, что Бидо отправился в Лондон для того, чтобы получить непосредственно от Идена информацию о смысле решений, принятых на Крымской конференции. Главный вопрос, который интересовал Бидо в Лондоне,— это вопрос о границах французской зоны оккупации Германии.

Нарком спрашивает, не создалось ли у Бидо во время лондонской поездки впечатления, что решения, принятые в Думбартон-Оксе, находятся в противоречии с автоматизмом действия франко-советского договора.

Посол отвечает, что он не имеет об этом информации и не знает, обсуждался ли этот вопрос в Лондоне.

Далее он говорит, что главный вопрос, по которому шла беседа между Иденом и Бидо,— это вопрос об освобожденной Европе. Чтобы принять немедленные меры против возможной повой германской агрессии, для Франции важно иметь свои силы на левом берегу Рейна. Для того чтобы перекрыть традиционные пути вторжения из Германии в Северную Францию, для французов очень важно, чтобы они были там, а их союзники были в Руре, в Саксонии, в Силезии, то есть там, где выковывается оружие для германской армии. Поэтому Бидо затронул вопрос об оккупации Рейнской зоны французскими войсками, на что Идеи ответил, что в этом вопросе встретятся трудности, так как эта зона скорее будет зоной под международным контролем, чем зоной французской оккупации.

Посол говорит, что для Французского правительства было бы важно знать точку зрения Советского правительства по вопросу о возможном присутствии Франции на левом берегу Рейна для прикрытия французской границы.

Нарком отвечает, что Советское правительство — за предоставление Франции зоны оккупации в этом районе. Однако вопрос о границах этой зоны еще не рассматривался и будет рассмотрен в ближайшем будущем.

Посол говорит, что он хотел подчеркнуть большую важность этого вопроса для Франции.

Нарком говорит, что это нетрудно понять.

Посол говорит, что этот вопрос был уже поставлен французским представителем в Европейской консультативной комиссии, а кроме того, он был затронут во время встречи Бидо с Иденом.

Другой вопрос, который особенно интересовал Французское правительство,— это вопрос о так называемой территориальной опеке. Идеи сказал Бидо, что это американская идея и что она найдет применение в отношении некоторых архипелагов Тихого океана, но не будет применена на какой-либо другой территории. Бидо спросил Идена, не распространяется ли эта идея в сознании тех, кто ее вынашивает, на территории Сирии и Ливана, которыми Франция управляла от имени Лиги наций и которыми управляет в настоящее время. Идеи ответил на этот вопрос отрицательно и сказал, что британское правительство признало преимущественное положение Франции в Сирии и Ливане в декларации Литтлтона и что британское правительство посоветовало этим государствам заключить договор с Францией. Черчилль также не скрывал своих взглядов по этому вопросу. Между прочим, англичане сказали, что мысль о преимущественном положении Франции в Леванте не признается американским правительством.

Посол поясняет, что его это не удивляет, поскольку американцы никогда не признавали системы мандатов или системы преимущественного положения держав в тех или иных районах.

Он говорит, что Французское правительство желало бы знать точку зрения Советского правительства на преимущественное положение Франции в этом районе, где у Франции нет никаких столкновений с интересами Советского Союза.

Нарком отвечает, что этот вопрос не ставился на Крымской конференции и никто его там не затрагивал.

Посол отвечает, что этот вопрос может быть тем не менее затронут в сегодняшней беседе. Французы в этом вопросе имеют, как, вероятно, народному комиссару известно, трудности с англичанами. Франция пользуется в этих странах традиционным влиянием и имеет там моральные обязательства. Французы имеют в Леванте большое количество школ и всяких других предприятий. В этих странах французские интересы никак не сталкиваются с советскими интересами.

Нарком говорит, что посол лучше, чем он, знает этот вопрос, что вопрос является сложным и его никто не ставил перед Советским правительством. Поэтому мы не

вмешивались в это дело. Он добавляет, что советский посланник прибыл в эти страны, чтобы ознакомиться с положением на месте, всего несколько месяцев тому назад.

Посол говорит, что этот район является перекрестком мировых авиационных и морских путей и нефтепроводов и что Французское правительство высоко ценит советского посланника, а также осторожность и сдержанность его поведения.

Он говорит далее, что Французское правительство надеется на согласование французской и советской точек зрения в вопросе о Сирии и Ливане.

Нарком отвечает, что он думает, что это возможно.

Посол говорит, что в результате переговоров в Лондоне не было принято решение о заключении договора между Францией и Англией. Французское правительство считает, что до заключения договора должны быть урегулированы некоторые важные вопросы англо-французских отношений, до сегодняшнего времени не нашедшие решения.

Нарком отвечает, что это, конечно, так и что договор должен быть предварительно хорошо подготовлен.

Посол добавляет, что англичане давно говорили о том, что они готовы заключить договор с Францией. Как, вероятно, известно народному комиссару, во время пребывания де Голля в Москве Черчилль даже выдвинул идею превращения двустороннего англо-советского договора в трехсторонний договор с участием Франции. Де Голль тогда на это не пошел, и Советское правительство с ним согласилось. Французское правительство считает, что раньше, чем оно примет какое-либо обязательство по отношению к Англии, оно должно урегулировать не решенные с Англией вопросы.

Нарком отвечает, что ему это вполне понятно, и спрашивает, являются ли в итоге переговоры Идена с Бидо шагом вперед или нет.

Посол отвечает, что это не шаг вперед, но и не шаг назад. Бидо был очень хорошо принят в Англии. Все его очень хорошо встречали, но, по мнению посла, это было скорее проявление дружбы, чем доброй воли и желания разрешить нерешенные вопросы. Во всяком случае, французы не торопятся.

Прощаясь, посол благодарит за прием.

В. Молотов